

Научная статья
УДК 343.815+94 (47)

doi: 10.17223/23088451/26/17

ТРУДОВЫЕ КОЛОНИИ С ОСОБЫМ РЕЖИМОМ МВД СССР ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА (1948–1957 гг.)

Евгения Сергеевна Чуканова¹

¹ *Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, upik2021@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются историко-правовые предпосылки создания и функционирования трудовых колоний с особым режимом МВД СССР для несовершеннолетних правонарушителей, осужденных в 1948–1957 гг. Анализируются причины их создания в контексте послевоенного роста подростковой преступности и правовых новелл уголовного законодательства, в частности Указов Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. Выявлены особенности правового регулирования и организационной структуры колоний, включая усиленный режим содержания, систему надзора и ограничения в сфере образовательной и трудовой деятельности подростков. Делается вывод о том, что трудовые колонии с особым режимом стали важным элементом советской пенитенциарной системы МВД СССР, а их упразднение в середине 1950-х гг. связано с началом реформирования уголовно-исполнительной политики.

Ключевые слова: несовершеннолетние правонарушители, пенитенциарная система СССР, трудовые колонии с особым режимом, уголовно-исполнительная политика, перевоспитание

Для цитирования: Чуканова Е.С. Трудовые колонии с особым режимом МВД СССР для несовершеннолетних осужденных в пенитенциарной системе советского государства (1948–1957 гг.) // Уголовная юстиция. 2025. № 26. С. 102–107. doi: 10.17223/23088451/25/17

Original article

doi: 10.17223/23088451/26/17

THE USSR MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS' SPECIAL-REGIME LABOR COLONIES FOR JUVENILE OFFENDERS IN THE PENITENTIARY SYSTEM OF THE SOVIET STATE (1948–1957)

Evgenia S. Chukanova¹

¹ *Moscow Regional Branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation, upik2021@mail.ru*

Abstract. Labor colonies with a special regime, which functioned from 1948 to 1957, constituted a specific institution within the Soviet punitive-rehabilitative system, combining elements of repressive impact and educational work. Their organization reflected the adaptation of the USSR's penal policy to new socio-legal conditions and represented an important stage in the development of the system for dealing with juvenile offenders. The analysis of the functioning of the USSR Ministry of Internal Affairs' labor colonies with a special regime for juvenile convicts in 1948–1957 demonstrates that their establishment was driven by the need to improve the penal system in the context of post-war increases in juvenile delinquency and an expanding contingent of young prisoners. These institutions enabled the segregation of the most dangerous and persistently disruptive convicts from the main body of adolescents, ensured strict control and supervision, and created conditions for implementing educational and labor programs. Their abolition in the mid-1950s was linked to the beginning of reforms in penal policy and a shift towards partial humanization of measures applied to juvenile offenders, aligning with the general trend of the "Thaw" in the social and legal spheres. A historiographic analysis of this institution allows for the conclusion regarding its significance for understanding the evolution of the Soviet penitentiary system and the specifics of implementing state policy towards adolescent offenders. The experience of labor colonies with a special regime illustrates the combination of repressive and rehabilitative mechanisms characteristic of the Soviet punitive-rehabilitative model and remains an important source for studying the patterns of development of penal practice in the USSR.

Keywords: juvenile offenders, penitentiary system of the USSR, labor colonies with a special regime, penal policy, re-education

For citation: Chukanova, E.S. (2025) The USSR Ministry of Internal Affairs' special-regime labor colonies for juvenile offenders in the penitentiary system of the Soviet state (1948–1957). *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 26. pp. 102–107. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/26/17

В послевоенный период советское государство столкнулось с острой проблемой роста подростковой преступности, что было обусловлено как социально-экономическими трудностями, так и изменениями уголовного законодательства. Отмена смертной казни [1. С. 4-7] в стране резко обострила обстановку в местах лишения свободы; вследствие применения Указов Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» [2], «Об усилении охраны личной собственности граждан» [3] увеличилось число осуждённых, включая несовершеннолетних, что оказало дополнительное давление на существующую сеть трудовых колоний.

В сложившейся ситуации традиционные учреждения для несовершеннолетних осужденных демонстрировали ограниченную эффективность. Существующие колонии объединяли разнородный контингент, включавший как впервые осужденных, так и рецидивистов, что затрудняло реализацию воспитательных функций и повышало риск нарушений внутреннего режима. Эти обстоятельства определили необходимость поиска новых организационно-правовых форм воздействия на подростков-правонарушителей. Пытаясь улучшить общую обстановку в трудовых колониях для несовершеннолетних, руководство МВД СССР пошло по пути организации колоний нового типа, аналогичных колониям для взрослых осужденных, введенных в конце 1948 г. [4. С. 120–121].

Создание трудовых колоний с особым режимом являлось одним из решений данной проблемы и было обусловлено необходимостью изоляции наиболее опасных несовершеннолетних заключенных и систематических нарушителей режима от основной массы заключённых, усилением контроля и надзора для предотвращения побегов и проявлений организованной преступной активности внутри колонии, обеспечением дисциплины и порядка посредством введения строгого режима содержания и регламентации образовательной, трудовой и бытовой деятельности осужденных и повышением управляемости системы исполнения наказаний, учитывая увеличение численности несовершеннолетних заключенных.

Так, за 1949–1950 гг. были созданы следующие колонии с особым режимом. 31 октября 1949 г. приказом МВД СССР № 00103 [5] была организована Угличская трудовая колония для осужденных несовершеннолетних МУЖСКОГО ПОЛА с особым режимом УМВД по Ярославской области» в помещении тюрьмы № 3 на 120 мест. Для размещения колонии предлагалось провести все необходимые подготовительные работы по ремонту и приспособлению помещений, оборудованию инвентарем, руководствуясь приказом № 001255 от 21 октября 1948 г. Все здания, сооружения, транспорт и материально-имущественные ценности тюрьмы необходимо было передать отделу УМВД по Ярославской области по борьбе с детской безнадзорностью и беспризорностью безвозмездно. Офицерский и вольнонаемный состав тюрьмы, зарекомендовавший себя с положительной стороны, предлагалось передать для укомплектования колонии с особым режимом.

25 мая 1950 г. в соответствии с приказом МВД СССР № 00328 [6] в помещении бывшей тюрьмы № 4, в г.

Остроге Ровенской области Украинской ССР была организована Острожская трудовая колония для осужденных несовершеннолетних с особым режимом МВД Украинской ССР для мальчиков на 120 мест.

7 июля 1950 г. в соответствии с приказом МВД СССР № 0476 [7] в Земо-Авчальской трудовой колонии для осужденных несовершеннолетних МВД Грузинской ССР необходимо было организовать отделение с особым режимом на 100 мест. Для размещения указанного отделения предлагалось провести необходимые подготовительные работы по ремонту и приспособлению помещений, оборудованию инвентарем.

Трудовые колонии МВД с особым режимом являлись местом заключения для несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы за повторно совершенные особо опасные преступления, за преступления, совершенные в местах заключения, а также для осужденных несовершеннолетних, допустивших серьезные нарушения режима в трудовых колониях МВД.

В трудовых колонии МВД с особым режимом направлялись несовершеннолетние в возрасте от 14 до 17 лет, осужденные к лишению свободы за:

- а) повторно совершенные преступления: контрреволюционные, бандитизм, умышленное убийство, умышленное тяжкое телесное повреждение, грабеж и разбой;
- б) аналогичные преступления, совершенные в местах заключения;
- в) серьезные нарушения режима в трудовых колониях МВД для осужденных несовершеннолетних, дезорганизацию работы колоний.

Трудовые колонии с особым режимом осуществляли свою деятельность на основании Положения «О трудовых колониях МВД для осужденных несовершеннолетних» [8] и Приказом МВД СССР № 001255 от 21 октября 1948 г.

В трудовых колониях с особым режимом устанавливался усиленный надзор и строгий режим содержания осужденных несовершеннолетних, исключающий возможность уголовных проявлений. Порядок содержания осужденных несовершеннолетних в колониях с особым режимом устанавливается в соответствии в Положением о трудовых колониях МВД для осужденных несовершеннолетних со следующими дополнениями:

1. Система ограждения и охраны, положенная для трудовых колоний, усиливалась: ограждение должно было состоять из каменной стены или сплошного деревянного забора высотой не менее 3 метров, с козырьком из колючей проволоки; внутренняя предупредительная зона отделялась от территории колонии ограждением из колючей проволоки высотой 2 м; с наружной стороны ограждения выделялась внешняя запретная зона, в которой могли быть устроены кольцевые блок-посты сторожевых собак для усиления охраны в ночное время. Наружные и внутренние посты охраны, а также основные помещения колонии должны были быть оборудованы телефонной связью и сигнализацией.

2. Колония должна была иметь водопровод и достаточное электрическое освещение как в основных помещениях, так и на территории, а также дополнительный источник света на случай аварии. Общежития, карантинное помещение, лестничные клетки, коридоры и

уборные должны освещаться как в дневное, так и в ночное время. В спальнях после отбоя допускался уменьшенный свет.

3. Здания, предназначенные для размещения осужденных, должны быть, как правило, каменными, коридорной системы, внутренней распланировкой, обеспечивающей размещение несовершеннолетних отдельными группами по 50–100 человек в изолированных друг от друга секциях. Уборные и умывальные, по возможности, устраивались в каждой жилой секции. Лестничные клетки оборудовались междуэтажными сетками. Отопление, как правило, центральное, при печном отоплении топка устраивалась из коридора; зеркала печей, выходящие в комнаты, поднимались до потолка и заключались в железный кожух.

4. Жилые комнаты (спальни) должны быть вместимостью до 12–25 человек. Внутреннее оборудование жилой комнаты состояло из сварных металлических коек, наглухо прикрепленных к полу, одного стола, бачка для питьевой воды и необходимого количества табуреток. Мебель была деревянной, легкой конструкции.

5. Для карантинного помещения выделялась отдельная секция, имеющая комнаты вместимостью не более 10 человек в каждой. Осужденные по одному делу и прибывшие из одной трудовой колонии или тюрьмы размещались по разным комнатам карантина. При карантинной секции отводилось помещение под столовую. В карантине устанавливался круглосуточный пост надзирательной службы.

6. При окончании срока карантина осужденные переводились в отдельные жилые секции, причем осужденные по одному делу размещались в разных секциях; подростки в возрасте 14–15 лет, как правило, размещались в отдельных секциях.

Данные о количестве судимостей, сроках наказания и о характере преступлений, совершенных несовершеннолетними осужденными, содержащимися в Угличской и Белозерской детской трудовых колониях с особым режимом, свидетельствовали о том, что контингент несовершеннолетних осужденных состоял из запущенных в педагогическом отношении подростков, 80% из которых – рецидивисты, склонные к совершению новых преступлений [9. С. 35–36, 99–100].

Строгая изоляция осужденных несовершеннолетних в трудовых колониях с особым режимом была обусловлена несколькими ключевыми факторами, связанными с безопасностью, дисциплиной и воспитательной целью учреждения. Во-первых, среди контингента колонии находились подростки, совершившие особо опасные преступления или неоднократно нарушавшие режим, что повышало риск повторных преступлений и деструктивного влияния на других осужденных. Разделение на отдельные секции по группам 50–100 человек позволяло минимизировать контакты между рецидивистами и впервые осужденными, предотвращая формирование преступных сообществ и нарушение внутреннего порядка.

Во-вторых, усиление системы ограждений, установка каменных или сплошных деревянных заборов высотой не менее 3 метров, внутренняя и внешняя предупредительные зоны с колючей проволокой и кольцевыми постами сторожевых собак обеспечивали высокий

уровень физической безопасности колонии. Такие меры были направлены на предотвращение побегов и проникновения посторонних лиц, что особенно важно при работе с подростками, склонными к протестным действиям и нарушению дисциплины.

В-третьих, строгий контроль за передвижением, организация карантинных помещений, размещение подростков по отдельным комнатам, а также раздельное проживание осужденных по одному делу обеспечивали систематическое наблюдение и контроль за поведением каждого воспитанника. Это позволяло своевременно выявлять попытки дезорганизации режима, проявления насилия или группового давления, а также обеспечивало эффективное применение воспитательных и коррекционных мер.

Наконец, использование усиленной инфраструктуры – централизованного отопления, телефонной связи и сигнализации, постоянного освещения помещений – обеспечивало как безопасность, так и возможность круглосуточного контроля со стороны надзирательного персонала. Таким образом, строгая изоляция в сочетании с регламентированным режимом содержания выполняла одновременно функции охранной, дисциплинарной и воспитательной политики, являясь необходимым элементом системы работы с наиболее опасными и трудновоспитуемыми несовершеннолетними правонарушителями в советской пенитенциарной практике.

Содержание осужденных несовершеннолетних в штрафном изоляторе организовывалось в соответствии с инструкцией, объявленной приказом МВД СССР № 001150 от 23 сентября 1948 г. Штрафной изолятор представлял собой специализированное подразделение учреждения, предназначенное для содержания подростков, систематически нарушавших внутренний порядок, оказывавших сопротивление воспитательным и дисциплинарным мерам или участвовавших в дезорганизации деятельности колонии. В исключительных случаях для подавления активного сопротивления применялась смиренная рубашка, что подчеркивало репрессивный аспект воздействия и являлось крайним средством поддержания дисциплины. Вывод осужденных за пределы ограждения колонии не допускался, что обеспечивало высокий уровень безопасности, предотвращало побег и ограничивало контакты с внешней средой, снижая риск вовлечения подростков в противоправную деятельность вне учреждения.

Передвижение несовершеннолетних по территории колонии совершалось в организованном порядке, как правило, в сопровождении воспитателей или надзирателей. Бригады из числа осужденных несовершеннолетних организовывались в количестве 20–25 человек, что позволяло систематизировать трудовую и хозяйственную деятельность, упорядочить перемещение внутри колонии и обеспечить контроль за соблюдением режима.

Созывать общие собрания осужденных несовершеннолетних и созывать из их числа общественные комиссии не разрешалось. Это решение было обусловлено необходимостью предотвращения самоорганизации подростков, формирования группового сопротивления или проявлений влияния «лидеров» среди заключенных. Запрет на собрания и комиссии обеспечивал контроль

над внутренними процессами колонии, поддерживал строгую иерархию, снижал возможности манипуляции правилами со стороны осужденных и способствовал реализации педагогической и дисциплинарной политики учреждения.

В трудовых колониях с особым режимом для несовершеннолетних осужденных образовательная деятельность рассматривалась как один из ключевых инструментов реализации воспитательных целей учреждения. Для осужденных несовершеннолетних, не имеющих образования в объеме 4 классов, организовывалась начальная школа, работающая по программам Министерства просвещения, что обеспечивало формирование базовой грамотности, развитие навыков чтения, письма и счета, что способствовало социальному включению подростков и формированию у них способности к самостоятельной жизни после освобождения из мест лишения свободы.

Для осужденных несовершеннолетних, обучающихся в школах, устанавливался следующий рабочий день:

- 1) в возрасте 14–15 лет – пять часов;
- 2) в возрасте 16–17 лет – семь часов;
- 3) обучающиеся в школе, а также школьники в каникулярное время в возрасте 14–15 лет должны работать шесть часов; в возрасте 16–17 лет – восемь часов.
- 4) обучающиеся в школе, помимо работы на производстве, привлекались к выполнению хозяйственных работ по самообслуживанию.

Учебный процесс в трудовых колониях с особым режимом был тесно интегрирован с трудовой деятельностью, что позволяло сочетать теоретическое и практическое обучение и обеспечивало многоплановое воспитательное воздействие на несовершеннолетних осужденных. Практическая работа на производственных участках и хозяйственных объектах колонии рассматривалась как продолжение образовательного процесса и способствовала закреплению теоретических знаний на практике: навыки, полученные в рамках школьных программ (например, основы арифметики, чтения чертежей или ведения документации), применялись непосредственно в трудовой деятельности, что повышало лучшее усвоение пройденного материала. Совмещение учебы и труда формировало трудовую дисциплину и организационные навыки – несовершеннолетние осужденные учились планировать рабочее время, соблюдать последовательность операций, работать в составе бригад и взаимодействовать с другими участниками коллектива, что также способствовало развитию ответственности за выполнение порученных задач, навыков самоорганизации и коллективного сотрудничества, которые были необходимы как для успешного функционирования колонии, так и для последующей социализации. Интеграция учебного и трудового процессов имела воспитательный эффект: подростки постепенно усваивали нормы поведения, соответствующие трудовой этике и требованиям внутреннего распорядка учреждения. Практический труд выступал как инструмент коррекции деструктивных привычек и укрепления позитивных моделей поведения, со-

здавая условия для формирования навыков самостоятельного принятия решений в рамках установленных правил.

Наконец, такая организация деятельности позволяла готовить подростков к будущей профессиональной жизни: они получали опыт работы с оборудованием, освоения производственных процессов и выполнения хозяйственных задач, что расширяло их возможности трудовой адаптации после освобождения. В то же время необходимо учитывать, что высокая интенсивность труда в сочетании с образовательными занятиями могла создавать физическую и психологическую нагрузку, требующую внимательного педагогического контроля и корректировки режима работы.

Обеспечение осужденных несовершеннолетних вещевым довольствием в колониях с особым режимом осуществлялось в соответствии с нормами, установленными для трудовых колоний, с рядом особенностей, отражавших специфику контингента и режим учреждения. Вещевое довольствие включало базовый комплект одежды, обуви и предметов личной гигиены, необходимый для повседневной жизни и трудовой деятельности в условиях колонии. Исключением был выходной костюм, который не предоставлялся, что подчеркивало строгость режима и ограниченность привилегий для осужденных.

С точки зрения педагогической и воспитательной эффективности, организация вещевого довольствия способствовала формированию навыков самообслуживания и аккуратного обращения с личными вещами, что являлось элементом воспитательной работы и подготовки к самостоятельной жизни после освобождения. Стандартизация и ограниченность комплекта одежды способствовали уравниванию осужденных, снижению социального давления и предотвращению проявлений статусов, конкуренции или конфликтов среди подростков, что укрепляло дисциплину и внутренний порядок. Отсутствие предметов, характерных для «свободного» быта, таких как выходной костюм, выполняло одновременно карательную и воспитательную функцию: оно ограничивало проявления индивидуальной свободы и стимулировало адаптацию к строгому режиму, формируя понимание необходимости соблюдения правил и трудовой дисциплины. Психологически это могло вызывать чувство ограничения личной автономии, однако в контексте системы поощрений и переводов в обычные колонии создавалось стимулирующее воздействие: соблюдение правил, трудовая активность и дисциплина становились средством получения улучшенных условий проживания и социальной «легитимации» внутри учреждения.

Меры поощрения и взыскания, установленные Положением о трудовых колониях осужденных несовершеннолетних, применялись в колониях с особым режимом, учитывающих специфику контингента и усиленный режим содержания, со следующими изменениями: за хорошее поведение и высокие показатели в труде в учреждении не менее полугода осужденные, направленные в колонию с особым режимом как нарушители режима,

могли быть переведены в трудовые колонии для несовершеннолетних. Такой механизм выступал важным стимулом для осужденных, ранее нарушавших режим, способствуя формированию мотивации к соблюдению правил, активному участию в трудовой деятельности и проявлению социальной ответственности. Процесс перевода был строго регламентирован: решение принималось на основании представления начальника колонии с особым режимом и утверждалось руководством Министерства внутренних дел соответствующей республики либо Управления по области или краю. Данный порядок обеспечивал контроль за справедливостью и целесообразностью применения мер поощрения, исключая возможность субъективного влияния со стороны персонала колонии и повышая прозрачность процедур.

Система взысканий была направлена на коррекцию негативного поведения и поддержание внутреннего порядка и включала применение различных дисциплинарных мер в рамках регламентированного режима, что позволяло одновременно предотвращать повторные нарушения и создавать условия для воспитательной работы с осужденными. В совокупности меры поощрения и взыскания формировали систему мотивации, способствующую развитию у подростков ответственности за собственное поведение, трудовой дисциплины и понимания социальных норм, что являлось важным элементом педагогической и воспитательной стратегии колоний с особым режимом.

Условно-досрочное освобождение из мест заключения и сокращение срока наказания к осужденным не применялись. Осужденные, достигшие 18-летнего возраста и не отбывшие к этому времени срока лишения свободы, переводились в колонии УИТЛК / ОИТК или лагеря для взрослых заключенных, нарушители режима и дисциплины могли быть выведены в колонии для взрослых по достижении 17-летнего возраста.

Отмеченный порядок имел преимущественно негативный воспитательный и психологический эффект для несовершеннолетних осужденных, так как исключение института условно-досрочного освобождения лишало подростков важнейшего стимула к правопослушному поведению и исправлению. В обычных трудовых колониях перспектива УДО выполняла функцию позитивной мотивации, тогда как в колониях с особым режимом данная возможность отсутствовала, что порождало у воспитанников ощущение безысходности и формировало правовой нигилизм. Перевод в колонии для взрослых по достижении 18 лет (а для нарушителей режима – 17 лет) фактически означал более раннее вовлечение несовершеннолетних в криминальную субкультуру взрослого лагерного мира, что усиливало процессы криминогенной социализации и снижало вероятность ресоциализации после освобождения.

Штатно-кадровое обеспечение трудовых колоний с особым режимом и формировалось исходя из необходимости усиленного режима и надзора за несовершеннолетними осужденными, а равно воспитательно-коррекционного воздействия на указанный контингент. Структура штатов совмещала в рамках одного учреждения персонал карательно-режимного профиля, ответствен-

ного за поддержание изоляционного порядка, с педагогическими кадрами, чьи функции охватывали сферу реализации социально-воспитательных мероприятий.

Тем самым штатное расписание данных учреждений отражало двойственную природу советской пенитенциарной политики в отношении несовершеннолетних: сочетание максимальной регламентации и строгого изоляционного контроля с задачей формирования у подростков навыков правопослушного поведения посредством педагогически организованного процесса перевоспитания. Однако на практике эффективность данной модели носила ограниченный характер. Усиление надзорно-карательной составляющей объективно превалировало над воспитательно-коррекционными функциями, что приводило к дисбалансу между декларативными целями перевоспитания и фактическим доминированием режима изоляции и дисциплинарного принуждения. Подобное соотношение сил в кадровом составе снижало педагогическую результативность системы и нередко способствовало воспроизводству криминогенной среды внутри колонии, ограничивая возможности позитивной ресоциализации несовершеннолетних.

Таким образом, трудовые колонии с особым режимом, функционировавшие в 1948–1957 гг., представляли собой специфический институт советской карательно-воспитательной системы, совмещавший элементы репрессивного воздействия и воспитательной работы. Их организация отражала адаптацию уголовно-исполнительной политики СССР к новым социально-правовым условиям и являлась важным этапом развития системы работы с несовершеннолетними правонарушителями. Анализ функционирования трудовых колоний с особым режимом МВД СССР для несовершеннолетних осужденных в 1948–1957 гг. демонстрирует, что их создание было обусловлено необходимостью совершенствования уголовно-исполнительной системы в условиях послевоенного роста подростковой преступности и расширения контингента несовершеннолетних заключенных. Эти учреждения позволяли отделять наиболее опасных и систематически нарушающих дисциплину осужденных от основной массы подростков, обеспечивать строгий контроль и надзор, а также создавать условия для реализации воспитательных и трудовых программ.

Их упразднение в середине 1950-х гг. связано с началом реформирования уголовно-исполнительной политики и переходом к частичной гуманизации мер воздействия на несовершеннолетних правонарушителей, что соответствовало общей тенденции «оттепели» в социальной и правовой сфере.

Историографический анализ данного института позволяет сделать вывод о его значении для понимания эволюции советской пенитенциарной системы и особенностей реализации государственной политики в отношении подростков-правонарушителей. Опыт трудовых колоний с особым режимом демонстрирует сочетание репрессивных и воспитательных механизмов, характерное для советской карательно-воспитательной модели, и остается важным источником для изучения закономерностей развития уголовно-исполнительной практики СССР.

Список источников

1. Указ Президиума Верховного Совета СССР об отмене смертной казни. 26 мая 1947 г. // ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 36. Д. 145. Л. 4–7, подлинник.
2. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». 4 июня 1947 г. // Правда. 1947. 5 июня. (документ утратил силу в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 декабря 1960 г. «О признании утратившими силу законодательных актов СССР в связи с принятием Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов РСФСР» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.10.2025).
3. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении охраны личной собственности граждан». 4 июня 1947 г. // Правда. 1947. 5 июня. Документ утратил силу, см. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 декабря 1960 г. «О признании утратившими силу законодательных актов СССР в связи с принятием Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов РСФСР» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.10.2025).
4. Приказ МВД СССР № 001250 от 21 октября 1948 г. «О трудовых колониях МВД с особым режимом для осужденных несовершеннолетних» // ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1 а. Д. 269. Л. 120–121. (Гриф секретности снят).
5. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1 а. Д. 305. Л. 207–207 об.
6. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1а. Д. 342. Л. 156–157.
7. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1а. Д. 354. Л. 94–95.
8. Приказ МВД СССР № 001150 от 23 сентября 1949 г. «С объявлением положения о трудовых колониях МВД для осужденных несовершеннолетних» // ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1 а. Д. 268. Л. 155–166. (Гриф секретности снят).
9. ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Л. 429. Л. 35–36, 99–100.

References

1. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-7523. List 36. File 145. Paged 4–7. Presidium of the Supreme Soviet of the USSR. (1947) *Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR on the Abolition of the Death Penalty. May 26, 1947*. Original. (In Russian).
2. *Pravda*. (1947) *Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR "On Criminal Liability for Theft of State and Public Property"*. June 4, 1947. June 5. (In Russian).
3. *Pravda*. (1947) *Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR "On Strengthening the Protection of Citizens' Personal Property"*. June 4, 1947. June 5. (In Russian).
4. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-9401. List 1 a. File 269. Pages 120–121. USSR Ministry of Internal Affairs. (1948) *Order of the USSR Ministry of Internal Affairs No. 001250 of October 21, 1948 "On Labor Colonies of the Ministry of Internal Affairs with a Special Regime for Convicted Juveniles"*. (In Russian).
5. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-9401. List 1 a. File 305. Pages 207–207 rev. (In Russian).
6. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-9401. List 1 a. 342. Pages 156–157. (In Russian).
7. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-9401. List 1 a. File 354. Pages 94–95. (In Russian).
8. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-9401. List 1 a. File 268. Pages 155–166. USSR Ministry of Internal Affairs. (1949) *Order of the USSR Ministry of Internal Affairs No. 001150 of September 23, 1949 "Announcing the Regulation on Labor Colonies of the Ministry of Internal Affairs for Convicted Juveniles"*. (In Russian).
9. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-9412. List 1. File 429. Pages 35–36, 99–100. (In Russian).

Информация об авторе:

Чуканова Е.С. – доцент, кандидат юридических наук, начальник кафедры уголовного права и криминологии Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (Москва, Россия). E-mail: upik2021@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.S. Chukanova, docent, Cand. Sci. (Law), head of the Department of Criminal Law and Criminology, Moscow Regional Branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: upik2021@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.10.2025;
одобрена после рецензирования 05.12.2025; принята к публикации 19.12.2025.*

*The article was submitted 28.10.2025;
approved after reviewing 05.12.2025; accepted for publication 19.12.2025.*